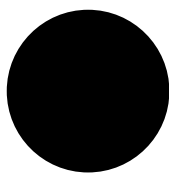

ШЕДЕВРЫ
В ОДНОМ
ТОМЕ

ТОМАС
МАНН

ИОСИФ И ЕГО БРАТЯ

Издательство АСТ
Москва

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог. Сошествие в ад</i>	5
-------------------------------------	---

БЫЛОЕ ИАКОВА

Раздел первый. У колодца

Иштар.....	43
Слава и действительность	44
Отец.....	49
Некто Иевше	52
Доносчик.....	57
Имя.....	65
О дурацкой земле Египетской	71
Испытание.....	76
О масле, о вине и о смокве	79
Двуголосная песнь.....	84

Раздел второй. Иаков и Исав

Лунная грамматика	90
Кто был Иаков.....	92
Елифаз	98
Вознесение главы.....	104
Исав.....	108

Раздел Третий. История Дины

Девочка	114
Бесет.....	115
Отповедь	118
Договор	120
Иаков живет у Шекема.....	123
Сбор винограда.....	125
Условие.....	128
Похищение	131

Подражание.....	134
Побоище.....	136

Раздел четвертый. Бегство

Древнее бляенье.....	140
Красный.....	142
О слепоте Ицхака.....	147
Великая потеха.....	152
Иаков должен уехать.....	162
Иаков должен плакать.....	165
Иаков прибывает к Лавану.....	169
Персть земная.....	176
Ужин.....	179
Иаков и Лаван заключают соглашение.....	183

Раздел пятый. На службе у Лавана

Как долго пробыл Иаков у Лавана.....	187
Иаков и Лаван скрепляют договор.....	190
О видах Иакова.....	192
Находка Иакова.....	195
Иаков сватается к Рахили.....	199
О долгом времени ожидания.....	203
О Лавановой прибыли.....	210

Раздел шестой. Сестры

Нечистый.....	218
Свадьба Иакова.....	224
О ревности бога.....	241
О смятении Рахили.....	245
Мандрагоровые яблоки.....	248

Раздел седьмой. Рахиль

Гадание на масле.....	256
Роды.....	264
Крапчатый скот.....	268
Воровство.....	274
Погоня.....	279
Бенони.....	288

ЮНЫЙ ИОСИФ

Раздел первый. Тот

О красоте	301
Пастух	303
Учение	305
О теле и духе	314

Раздел второй. Авраам

О старшем рабе	322
Как Авраам открыл бога	326
Господин посланца	334

Раздел третий. Иосиф и Вениамин

Роща Адониса	338
Небесный сон.....	353

Раздел четвертый. Сновидец

Разноцветная одежда.....	362
Быстроногий.....	372
Об испуге Рувима.....	378
Снопы.....	386
Совещание	394
Солнце, луна и звезды.....	397

Раздел пятый. Поездка к братьям

Предъявление требованья	404
Иосиф едет в Шекем	409
Человек в поле.....	413
О Ламехе и его рубце.....	423
Иосифа бросают в колодец.....	428
Иосиф кричит из ямы.....	438
В пещере	443

Раздел шестой. Камень перед пещерой

Измаильтяне.....	453
О замысле Рувима	460

Продажа	463
Рувим приходит к пещере	476
Клятва.....	482

Раздел седьмой. Растерзанный

Иаков скорбит об Иосифе	488
Искушения Иакова	501
Привыкание	507

ИОСИФ В ЕГИПТЕ

Раздел первый. Путь вниз

О молчании мертвых.....	517
У господина.....	521
Ночной разговор	529
Соблазн.....	540
Встреча.....	544
Крепость Зел	551

Раздел второй. Вступление в Шеол

Иосиф видит землю Госен и прибывает в Пер-Сопд	561
Кошачий город.....	565
Ученый Он.....	567
Иосиф у пирамид	574
Жилище закутанного	581

Раздел третий. Прибытие

По реке.....	594
Иосиф проходит по Уазе.....	600
Иосиф прибывает к дому Петепра	608
Карлики	612
Монт-кау.....	618
Потифар	630
Иосифа опять продают, и он падает ниц.....	633

Раздел четвертый. Самый высокий

Сколько времени прожил Иосиф у Потифара.....	640
В стране внуков	646

Царедворец	655
Поручение	662
Гуйи и Туий	667
Иосиф размышляет об этих делах	685
Иосиф говорит перед Потифаром	688
Иосиф заключает союз	704

Раздел пятый. Благословенный

Иосиф прислуживает и читает вслух	709
Иосиф растет словно у родника	720
Амун косится на Иосифа	728
Бекнехонс	735
Иосиф все больше превращается в египтянина	746
Отчет о скромной смерти Монт-кау	760

Раздел шестой. Одержимая

Слово неведенья	781
Отверзание глаз	787
Супруги	798
Три разговора	828
В тисках удава	844
Первый год	849
Второй год	869
О чистоте Иосифа	882

Раздел седьмой. Яма

Записочки	893
Больной язык (Игра и проигрыш)	900
Донос Дуду	919
Угроза	935
Прием дам	941
Сука	955
Новый год	965
Пустой дом	971
Лицо отца	980
Суд	986

ИОСИФ-КОРМИЛЕЦ

Пролог в высших сферах 997

Раздел первый. Другая яма

Иосиф знает свои слезы.....	1008
Начальник темницы.....	1018
О доброте и уме	1032
Господа.....	1040
О змие кусливом.....	1051
Иосиф приходит на помощь как толкователь.....	1055

Раздел второй. Призыв

Неб-неф-незем	1063
Спешный гонец.....	1069
О свете и черноте.....	1074
Сны фараона	1082

Раздел третий. Критская беседа

Введение.....	1097
Дитя пещеры	1105
Фараон пророчествует.....	1121
«Не верю!».....	1130
Слишком блаженно	1141
Муж разумный и мудрый.....	1150

Раздел четвертый. Пора дозволений

Семь или пять.....	1160
Озлащение	1162
Утопленное сокровище	1167
Владыка над землю Египетской	1172
Урим и туммим.....	1178
Девушка	1183
У Иосифа свадьба.....	1189
Омрачающие обстоятельства	1195

Раздел пятый. Фамарь

Четвертый.....	1202
Астарот.....	1209

Фамарь узнает мир	1212
Исполненная решимости.....	1219
«Не благодаря нам!».....	1223
Стрижка овец.....	1228

Раздел шестой. Священная игра

О делах водных	1234
Иосифу нравится жить	1236
Они придут.....	1241
Допрос.....	1250
«Она взыскивается».....	1264
Деньги в мешках.....	1271
В неполном составе	1277
Иаков борется у Иавока.....	1283
Серебряная чаша	1289
Запах мирта, или Обед с братьями	1292
Запертый крик	1304
У Вениамина!	1308
Это я.....	1313
Не ссорьтесь!	1321
Фараон пишет Иосифу.....	1326
Как нам начать?.....	1331
Возвешение.....	1334

Раздел седьмой. Возвращенный

Пойду и увижу его.....	1349
Их семьдесят	1353
Принесите его!	1356
Иаков учит и видит сон.....	1358
О любви отказывающей.....	1362
Угощение	1370
Иаков стоит перед фараоном	1374
О плутоватом слуге	1380
Из послушанья.....	1389
Ефрем и Манассия	1397
Собрание перед смертью	1404
Иакова закутывают	1419
Великое шествие.....	1425

Пролог

СОШЕСТВИЕ В АД

1

Прошлое — это колодец глубины несказанной. Не вернее ли будет назвать его просто бездонным?

Так будет вернее даже в том случае и, может быть, как раз в том случае, если речь идет о прошлом всего только человека, о том загадочном бытии, в которое входит и наша собственная, полная естественных радостей и сверхъестественных горестей жизнь, о бытии, тайна которого, являясь, что вполне понятно, альфой и омегой всех наших речей и вопросов, делает нашу речь такой пылкой и сбивчивой, а наши вопросы такими настойчивыми. Ведь чем глубже тут копнешь, чем дальше проберешься, чем ниже опустишься в преисподнюю прошлого, тем больше убеждаешься, что первоосновы рода человеческого, его истории, его цивилизации совершенно недостижимы, что они снова и снова уходят от нашего лота в бездонную даль, в какие бы головокружительные глубины времени мы ни погружали его. Да, именно «снова и снова»; ибо то, что не поддается исследованию, словно бы подтрунивает над нашей исследовательской неуемностью, приманивая нас к мнимым рубежам и вехам, за которыми, как только до них доберешься, сразу же открываются новые дали прошлого. Вот так же порой не можешь остановиться, шагая по берегу моря, потому что за каждой песчаной косой, к которой ты держал путь, тебя влекут к себе новые далекие мысы.

Поэтому практически начало истории той или иной людской совокупности, народности или семьи единоверцев определяется условной отправной точкой, и хотя нам отлично известно, что глубины колодца так не измерить, наши воспоминания останавливаются на подобном первоисточке, довольствуясь какими-то определенными, национальными и личными, историческими пределами.

Юный Иосиф, к примеру, сын Иакова и миловидной, так рано ушедшей на Запад Рахили, Иосиф, что жил в ту пору, когда на вавилонском престоле сидел весьма любезный сердцу Бел-Мардука кос-

сеянин Куригальзу, властелин четырех стран, царь Шумера и Аккада, правитель строгий и блестящий, носивший бороду, завитки которой были так искусно уложены, что походили на умело выстроенный отряд щитоносцев; а в Фивах, в преисподней, которую Иосиф привык называть «Мицраим» или еще «Кеме, Черная», на горизонте своего дворца, к восторгу ослепленных сынов пустыни, сиял его святейшее добрый бог, третий носитель имени «Амун-доволен», телесный сын Солнца; когда благодаря могуществу своих богов возрастал Ассур, а по большой приморской дороге, что вела от Газы к перевалам Кедровых гор, между двором фараона и дворами Двуречья, то и дело ходили царские караваны с дарами вежливости — лазуритом и чеканным золотом; когда в городах амореев, в Бет-Шане, Аялоне, Та'Анеке, Урусалиме служили Аштарти, когда в Сихеме и в Бет-Лахаме звучал семидневный плач о растерзанном Истинном Сыне, а в Гебале, городе Книги, молились Элу, не нуждавшемуся ни в храме, ни в обрядах; итак, Иосиф, что жил в округе Кенана, в земле, которая по-египетски называлась Верхнее Ретену, неподалеку от Хеврона, в отцовском стойбище, осененном теребинтами и вечнозелеными скальными дубами, этот общеизвестно приятный юноша, унаследовавший, к слову сказать, приятность от матери, ибо та была прекрасна, как луна, когда она достигает полноты, и как звезда Иштар, когда она тихо плывет по ясному небу, но, кроме того, получивший от отца недюжинные умственные способности, благодаря которым он даже превзошел в известном смысле отца, — Иосиф, стало быть, в пятый и шестой раз называем мы это имя, и называем его с удовольствием: в имени есть что-то таинственное, и нам кажется, что, владея именем, мы приобретаем заклинательскую власть над самим этим мальчиком, канувшим ныне в глубины времени, но когда-то таким словоохотливым и живым, — так вот, для Иосифа, например, все на свете, то есть все, что касалось лично его, началось в южноавилонском городе Уру, который он на своем языке называл «Ур Кашдим», что значит «Ур Халдейский».

Оттуда в далеком прошлом — Иосиф не всегда мог толком сказать, как давно это было, — отправился в путь один пылливый и беспокойный искатель; взяв с собой жену, которую он из нежности, по видимому, любил называть сестрою, а также других домочадцев, этот человек, по примеру божества Ура, Луны, пустился в странствия, поскольку такое решение показалось ему самым верным, наиболее сообразным с его неблагоприятным, тревожным и, пожалуй, даже му-

чительным положением. Его уход, явившийся, несомненно, знаком недовольства и несогласия, был связан с некими строениями, запавшими ему в душу каким-то обидным образом, которые были, если не воздвигнуты, то, во всяком случае, обновлены и непомерно возвышены тогдашним царем и Нимродом тех мест, радевшим, как втайне был убежден пращур из Ура, не столько о вящей славе божественных светил, которым эти постройки были посвящены, сколько о том, чтобы воспрепятствовать рассеянию своих подданных и вознести к небесам знаки своей двойной — Нимрода и властелина земного — власти, власти, из-под которой предок из Ура как раз и ушел, ибо рассеялся, пустившись вместе со своими близкими куда глаза глядят. Предания, дошедшие до Иосифа, не вполне сходились в вопросе о том, что именно вызвало гнев недовольного странника: громадный ли храм бога Сина, имя которого, звучавшее в названии страны Синеар, слышалось также в более привычных словах, например, в наименовании горы Синай; или, может быть, само капище Солнца, Эсагила, огромный Мардуков храм в Вавилоне, достигавший, по воле Нимрода, неба своей вершиной и хорошо известный Иосифу по устным описаниям. Этому искателю претило, конечно, и многое другое, начиная от нимродовского могущества вообще и кончая отдельными обычаями, которые другим представлялись священными и незыблемыми, а его душу все больше и больше наполняли сомнениями; а так как с душою, полной сомнений, не сидится на месте, то он и тронулся в путь.

Он прибыл в Харран, город Луны на Севере, город Дороги в земле Нахараин, где провел много лет и собирал души тех, кто вступал в близкое родство с его приверженцами. Однако родство это почти ничего, кроме беспокойства, не приносило, — беспокойства души, которое, хоть и выражалось в непоседливости тела, все-таки не имело ничего общего с обычным скитальческим легкомыслием и бродяжнической подвижностью, а было, скорее, изнурительной неутомимостью избранника, в чьей крови только-только завязывались дальнейшие судьбы, между подавляющей значительностью которых и снедавшей его тревогой существовало, должно быть, какое-то точное и таинственное соответствие. Поэтому-то Харран, куда еще простиралась власть Нимрода, и в самом деле оказался всего только «городом Дороги», то есть местом промежуточной остановки, с которого этот подражатель Луны вскоре опять снялся, взяв с собой Сару, свою сестру во браке, и всех своих родных, и их и свое имущество,

чтобы в качестве их вождя и махди продолжать свою хиджру к неведомой цели.

Так он пришел на Запад, к амореям, что населяли Кенану, где тогда правили сыны Хатти, пересек эту землю в несколько переходов и продвинулся далеко на юг, под другое Солнце, в Страну Ила, где вода бежит вспять, не так, как воды рек Нахарины, и где по течению плывешь на север; где косный от старости народ поклонялся своим мертвецам и где беспокойному урскому страннику нечего было искать или добиваться. Он вернулся на Запад, то есть в край, лежащий между Страной Ила и Нимродовым царством, и, поладив с тамошними жителями, обрел относительную оседлость на юге этого края, неподалеку от пустыни, в гористой местности, бедной пашнями, но зато богатой пастбищами для его коз и овец.

Предание утверждает, будто его бог, бог, над чьим образом трудился его дух, высочайший среди богов, на безраздельное служение которому подвигали его любовь и гордость, бог вечности, которому он никак не находил достойного имени, а потому соотнес с ним множественное число и называл его на пробу Элохим, то есть божество, — предание утверждает, будто Элохим дал ему некие далеко идущие, но вместе с тем и вполне определенные обещания, в том смысле, что он, странник из Ура, должен был стать народом, многочисленным, как песок и звезды, и благословением всем народам, а земля, где покамест он жил чужестранцем и куда привел его из Халдеи Элохим, должна была целиком и навеки перейти в его и его потомков владение, причем бог богов поименно перечислил нынешних владельцев этой земли, народы, «врата» которых должны были принадлежать потомкам человека из Ура, то есть которым бог, заботясь об урском страннике и его семени, назначил рабство самым недвусмысленным образом. Эти сведения нужно принять с осторожностью или, во всяком случае, правильно понять. Перед нами позднейшие нарочитые вставки, и задача их — узаконить политические отношения, сложившиеся только благодаря войне, ссылкой на давнишний замысел бога. В действительности нрав этого лунного странника был совсем не таков, чтобы от кого-либо получать или у кого-либо вымогать политические обещания. Нет никаких доказательств, что, покидая родину, он уже заранее облюбовал для себя страну амурреев; а то, что он в виде опыта посетил также страну могил и курносой девы-львицы, говорит, скорее, как раз о противном. И если сперва он покинул могучее государство Нимрода, а потом поспешил уйти

из многославного царства двухвенцового владыки оазисов и вернулся оттуда на Запад, то есть в страну, обреченную из-за своей раздробленной государственности на политическое убожество, то это отнюдь не свидетельствует о его пристрастии к имперскому величию и о его склонности к политическим прозрениям. Силой, заставившей его сняться с места, была тревога духовная, забота о боге, и если он сподоблялся каких-то обетований, в чем сомневаться непозволительно, то относились они к распространению того нового и особого восприятия бога, которому он с самого начала и старался приобрести сторонников и радетелей. Он страдал и, сопоставляя меру своего внутреннего беспокойства с мерой его у огромного большинства людей, заключал, что его страдания служат будущему. Не напрасна, говорил ему новооткрытый бог, твоя мука, твоя тревога. Она оплодотворяет множество душ, родит себе стольких приверженцев, сколько песка на дне морском, и повлечет за собой великое множество событий, зародыш которых в ней заключен, — одним словом, ты будешь благословением. *Благословением?* Вряд ли это слово верно передает смысл того, что предстало ему в видении и что соответствовало его душевному складу, его ощущению самого себя. В слове «благословение» есть та оценка, которая не подходит для деятельности таких натур, как он, людей внутренне беспокойных и непоседливых, чьи новые представления о боге призваны определить будущее. Жизнь тех, с кого начинается та или иная история, очень и очень редко бывает чистым и несомненным «благословением», и совсем не это нашептывает им их самолюбие. «И будешь судьбою» — вот более четкий и более верный перевод слова обета, на каком бы языке оно ни было сказано; а уж означает ли эта судьба благословение или нет, это вопрос другой, вопрос, второстепенность которого явствует из того, что на него всегда и без всяких исключений можно ответить по-разному, хотя на него отвечали, конечно, утвердительно члены той возраставшей физически и духовно семьи, которая признавала бога, выведшего из Халдеи урского странника, истинным Баалом и Адду круговорота, семьи, образование которой Иосиф считал началом своей собственной, духовной и физической жизни.

2

Иногда он даже считал лунного странника своим прадедом, что, однако, решительно выходит за пределы возможного. Да он и сам отлично знал из всяческих наставлений, что все это дела более дав-

ние. Не такие, однако, давние, чтобы тот владыка земной, чьи пограничные, со знаками зодиака столпы оставил позади себя странник из Ура, был и в самом деле Нимродом, первым царем на земле, породившим синеарского Бела. Судя по таблицам, это был законодатель Хаммурагаш, обновивший упомянутые города Луны и Солнца, и если юный Иосиф отождествлял его с древнейшим Нимродом, то это была игра мыслей, которая придавала Иосифу известную прелесть, но нам совсем не к лицу. Точно так же он порой путал урского странника с дедом своего отца, носившим то же или почти то же имя. Между мальчиком Иосифом и странствием его духовного и физического предшественника был, согласно времяисчислительным выкладкам, отнюдь не чуждым ни его эпохе, ни его культуре, промежуток поколений в двадцать, то есть примерно в шестьсот вавилонских солнечных лет — такой же, как между нами и готическим средневековьем — такой же и все-таки не такой же.

Хотя время по звездам мы отсчитываем в точности так же, как там и тогда, то есть как отсчитывали его задолго до урского странника, и хотя мы, в свою очередь, передадим этот счет самым далеким нашим потомкам, значение, вес и насыщенность земного времени не бывают одинаковы всегда и везде; у времени нет постоянной меры даже при всей халдейской объективности его измерения; шестьсот лет тогда и под тем небом представляли собой нечто иное, чем шестьсот лет в нашей поздней истории; это была полоса более спокойная, более тихая, более ровная; время было менее деятельно, в ходе его не так сильно, не так резко менялись вещи и мир, — хотя, конечно, за эти двадцать человеческих веков оно произвело очень существенные изменения и перевороты, даже перевороты в природе, изменившие земную поверхность в поле зрения Иосифа, как то известно нам и было известно ему. В самом деле, куда девались к его времени Гоморра и резиденция Лота, человека из Харрана, вступившего в близкое родство с урским искателем, — Содом, куда девались эти сластолюбивые города? Щелочное, свинцово-серое озеро разливалось там, где процветало их беззаконие, ибо на местность эту обрушился такой страшный, такой на вид всегубительный ливень смолы и серы, что дочери Лота, вовремя с ним бежавшие, те самые, которых он хотел выдать похотливым содомлянам взамен неких высоких гостей, — что они, вообразив, будто, кроме них, не осталось людей на земле, в женской своей заботе о продолжении рода человеческого совокупились с собственным отцом.